

В. В. СЕРОВ
БАРНАУЛ

КОНСУЛЬСТВА ЮСТИНИАНА

Популярная в рамках институционального подхода тема позднеантичного консулата не получила, тем не менее, всестороннего развития в историографии. Из массы проблем и вопросов, которые могли бы быть разработаны в связи с нею, наибольшего внимания исследователей удостоилась так называемая ликвидация¹ этого института императором Юстинианом I в 541 г.² Признавая многогранность и незавершенность работ над проблематикой консулата в VI в., нельзя не отметить, что из научного поля зрения оказался неправомерно выведенным целый ряд интересных и небесполезных с точки зрения реконструкции ранневизантийской истории вопросов, также относящихся к теме восточно-римского консулата. К ним можно смело причислить все так или иначе связанное с консульствами самого Юстиниана; причины и обстоятельства данного явления не получили достаточного внимания в специальной литературе, более того, касающиеся их вопросы даже не были подняты в ней.

Интерес вызывает следующее: во-первых, почему в письменных источниках, более или менее близких по времени к эпохе Юстиниана, указывается различное количество консульств этого человека – императора, государственного служащего, частного лица? Оно варьируется от трех до пяти, а некоторые авторы середины VI – первой половины VII в. не упомянули ни одного юстиниановского консульства, словно такого

¹ В англоязычной историографии – *abolition* (т. е. «отмена, упразднение»). Во французской историографии применяются более уклончивые выражения: *fin*, *disparition du consulat*.

² Наиболее полно историография проблемы освещена в работе: *Bagnall R. S., Cameron A., Schwartz S. R. et al. Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta, 1987. P. 7–11* (далее – *Consuls*).

события не было³. Во-вторых, почему известные из нарративных источников консульства Юстиниана описаны там столь различно? Например, ставшее хрестоматийным у византинистов, занимавшихся изучением юстиниановской эпохи, празднование начала первого консульства Юстиниана в 521 г., описанное Комитом Марцеллином весьма красочно, не удостоилось вообще каких-либо описаний у других позднеантичных авторов. В-третьих, почему Юстиниан выбрал для своих консульств именно те годы, которые нам известны благодаря законодательным источникам и тому же Комиту Марцеллину? Поиск ответов на эти и сопутствующие им вопросы поможет уточнить отношение Юстиниана Великого к власти, дополнительно охарактеризовать эту сложную политическую фигуру ранневизантийской эпохи, наконец, скорректирует устоявшееся представление о конце консулата.

Разнохарактерность сообщений источников можно было бы объяснить как их различной жанровой принадлежностью, так и отсутствием в позднеантичной литературе устойчивой традиции скрупулезного перечисления консульств императоров и их родственников. Немаловажно и личное отношение того или иного автора к василевсу Юстиниану. Словом, причины для замалчивания в источниках фактов назначения его консулом были. Тем более что проблемы выяснения действительного количества и датировки юстиниановских консульств не существует: кроме официозного Комита Марцеллина, написавшего о них, точные сведения дают и законодательные источники периода правления Юстина I и Юстиниана I⁴. Замечательно, однако, что даже

³ У Марии Аваншского и Иоанна Малалы упомянуты три случая замещения Юстинианом консульской должности, в 521, 528, 533 гг. См.: *Marii episcopi aventicensis Chronica Chronicle* / ed. Th. Mommsen // *MGH, AA. Berolini*, 1894. Т. 11. Vol. 2. P. 234–235; *Ioannis Malalae chronographia* / rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 426, 428, 478. Комит Марцеллин писал о четырех консульствах Юстиниана, в 521, 528, 533, 534 гг. См.: *Marcellinus comes Chronicle* / ed. Th. Mommsen // *MGH, AA. Berolini*, 1894. Т. 11. Vol. 2. P. 101–103 (521, 528, 533, 534 гг.). В Пасхальной хронике сохранились упоминания о пяти консульствах – 521, 524, 528, 533, 534 гг. См.: *Chronicon Paschale* / rec. L. Dindorfius. Bonnae, 1832. Vol. I. P. 613–633. Прокопий Кесарийский, Иордан и другие авторы о консульствах Юстиниана не сообщают.

⁴ Для консульства 521 г. – CJ. 6.22.8: *Iustiniano et Valerio cons*; для 528 г. – CJ. 1.2.19, 1.3.42, etc.: *dn Iustiniano pp A II cons*; для 533 г. – CJ. 1.1.6–8, 1.17.2, etc.: *dn Iustiniano pp A III consule*; для 534 г. – CJ. 1.27.1–2, 6.23.31, etc.: *dn Iustiniano pp A III et Paulino vs cons*. См. также: *Consuls*. P. 577, 591, 601, 602–603.

официозные авторы, а также те, кого не причисляют к ярким критикам того, что связано с именем Юстиниана, не дали одинакового по интенсивности освещения празднований его консульств и тем самым невольно продемонстрировали как степень заинтересованности императорской власти в фиксации данного события в сознании современников и памяти потомков, так и собственное отношение императора к консульской должности⁵. К примеру, Комит Марцеллин силился показать как необыкновенно роскошное празднование первого юстинианова консульства в 521 г., а анонимный автор Пасхальной хроники, копировавший кого-то из современников Юстиниана (но явно не Иоанна Малалу, необычайно лапидарного в данном случае)⁶, адресовал аналогичные по экспрессии восторги началу второго консульства императора. Весьма возможно, что хронологически отдаленный от описанного события «пасхальный» хронист воспользовался записями Комита Марцеллина и либо перепутал описания первого и второго консульств Юстиниана, либо объединил их в одном своем сообщении. Так или иначе, но мы можем констатировать последовательный отказ у позитивных по отношению к Юстиниану источников от восторгов при описании первого и последующих консульских торжеств. Кроме того, такой современный ему автор, как Иоанн Малала, которого нельзя заподозрить во враждебности к василевсу, отметил консульства Юстиниана механически и словно мимоходом, упустив по этой причине не только детали проведения торжеств, но и собственно одно из консульств и, к тому же, перепутав их индикционные даты⁷. Наконец, Прокопий Кесарийский – казалось бы, неблагодарный в отношении Юстиниана – мог эксплуатировать тему консульских затрат императора более интенсивно, взяв их в качестве иллюстрации неоправданных расходов. Но этого не произошло, и Прокопий говорит о консулате при Юстиниане только в связи с его ликвидацией. Таким образом, налицо почти полное равнодушие источников к теме

⁵ О большом значении прошлого для репрезентации императорского величия в эпоху Юстиниана см., например: *Maas M. John Lydus and the Roman Past: Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian*. New York, 1992. P. 41–43.

⁶ Об источниках Пасхальной хроники см.: *Удальцова З. В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т. 45. С. 61.

⁷ *Ioannis Malalae chronographia*. P. 426: «Этот Юстиниан стал консулом [в первый раз] в январе месяце шестого индикта». Шестой индикт приходился на 512/513 и на 527/528 гг. Однако второй датой (правда, обозначив ее седьмым индиктом – P. 428) Малала определенно датировал второе консульство Юстиниана. О времени третьего консульства у него не сказано ничего определенного (P. 478).

«Юстиниан – консул», и это притом, что юстиниановская имперская пропаганда, известная своей активностью, должна была использовать названную тему для улучшения императорского имиджа и побуждать к тому же самому тех, кто владел пером. Вырисовывается вполне однозначная картина эволюции взглядов Юстиниана на консулат и значение консульской должности для императорской власти. Осуществляя последовательный отказ от использования консулата в качестве политического средства, в частности, средства имперской пропаганды, Юстиниан прямо или косвенно влиял на свое окружение, весь бюрократический аппарат и общественное мнение столицы, распространяя мысль о ненужности древнего учреждения для практических нужд государства и константинопольского люда. Данный тезис обосновывает общепризнанное в современной византиноведческой литературе мнение о логичности действий императора, ликвидировавшего, в конечном счете, отживший институт. Однако сомнения в том, что Юстиниан признал бесполезным столь яркое в государственной жизни Империи и, в общем, практически значимое по многим параметрам явление, остаются. Юстиниан был, при всех его непрактических увлечениях и отдельных неверных политических шагах, человеком трезвого ума и дела, который не стал бы порывать с чем-либо без веских на то оснований. Возможно, следует говорить не об «охлаждении» Юстиниана I к консулату как политическому инструменту, не оправдавшему возлагавшихся на него надежд, а об изначально равнодушном или настороженном отношении к нему как к одному из элементов враждебной к императору-выскочке аристократической среды Константинополя⁸ или же как к одному из рудиментов идеологически вредного и опасного эллинизма. Чтобы убедиться в этом или же в обратном, необходимо проанализировать некоторые обстоятельства, сопутствовавшие «консульской» политике Юстиниана.

Первое из обстоятельств такого рода – наличие промежутков в ежегодном порядке назначения консулов, в участвовавшей в ранней Византии VI в. практике оставления консульских мест вакантными. Начиная с момента интронизации Юстиниана I в 527 г. хронологические лакуны при замещении консулата случались постоянно, с периодичностью в один-четыре года (в 527, 529, 532, 536, 537 гг.)⁹. Точно такие же «лакуны» наблюдаются и в период после интронизации дяди Юстиниана,

⁸ Meier M. Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr. Göttingen, 2003. S. 127.

⁹ См.: Consuls. P. 588–609.

Юстина I (в 522, 523, 526 гг.)¹⁰. Объяснить данное явление отсутствием достойных кандидатур не представляется возможным¹¹. Следовательно, консулат потерял значительную долю привлекательности в глазах христианских императоров еще до начала правления Юстиниана I.

Второе обстоятельство – традиции в замещении консульского поста самими восточно-римскими императорами. Количество и регулярность императорских консульств в V – первой половине VI в. заметно изменились по сравнению с IV в., упорядочившись по-новому после Маркиана¹². Лев I становился консулом пять раз, Зенон и Анастасий – по три раза каждый, Юстин Старший занимал консульское кресло дважды. В ранневизантийскую эпоху сформировались свои традиции в этом деле; от античности в нем осталась лишь практика самоназначения императоров консулами на следующий год после интронизации; такие поводы, чтобы стать консулом, как пяти- или десятилетие правления¹³, соправительство перестали использоваться. Юстиниан I со своими консульствами не выделялся особенно заметно на фоне прочих императоров второй половины V – VI в. и, очевидно, сильно не отличался от них своим отношением к консулату.

Третье обстоятельство, которое нужно учитывать при характеристике позиции Юстиниана, – это возможность и готовность превратить собственное консульство в демагогически-демонстрационный акт. Согласно известным источниковым данным, первое его консульство и, возможно, второе были отпразднованы с необычайными для восточного региона римской цивилизации блеском и роскошью. Два последних консульства в сравнении с этими весьма сильно проигрывали, что как будто свидетельствует об изменении отношения Юстиниана к консулату в течение 20–30-х гг. Действительно, описание консульских торжеств 521 г. представляет собой вещь уникальную. Но попробуем разобраться, какова же была действительность.

¹⁰ Consuls. P. 574–587.

¹¹ Ibid. P. 10.

¹² Кстати, на императора Маркиана как на определенный образец отношения к теме консулата Юстиниан ссылается в преамбуле Новеллы 105. До Маркиана, который побывал в консулах всего раз, обычной была практика многочисленных императорских консульств; к примеру, Феодосий II был консулом 18 раз, т. е. он становился консулом в среднем через год. Начиная со Льва I на каждое десятилетие правления нескольких предшественников Юстиниана приходилось в среднем по 5 консульств. См.: Consuls. P. 10.

¹³ Ibid. P. 13.

Празднование консульства в январе 521 г. – одно из немногих событий истории правления Юстина I, не вызывающих вопросов ни в датировке, ни в фактологии: об этом свидетельствует практически полное отсутствие специальной литературы по данному вопросу. Имеющееся уникальное описание празднования выглядит настолько достоверным¹⁴, что новейшие исследователи не озадачились такой проблемой, как отсутствие упоминаний о нем во всех других источниках. Византистам еще предстоит обратиться к тайне столь странного молчания; здесь же будет достаточно вполне логичного предположения о том, что консульские торжества Юстиниана считались современниками рядовым и обычным событием, несмотря на кажущееся большим (в сравнении с такими же по форме затратами античных предшественников, а также с прочими дополнительными расходами Юстиниана) количество потраченных на него денег. Возможно, эти государственные по сути расходы и в самом деле не были огромными?

Достоверность сообщения Комита Марцеллина о сумме в 288 тыс. солидов подтверждается не только отсутствием заинтересованности автора в искажении отобранных им фактов¹⁵, но и прочими обстоятельствами, в частности, сравнением с данными Прокопия Кесарийского об обычных консульских издержках, составлявших минимум двадцать кентинариев¹⁶, т. е. ровно половину того, что потратил Юстиниан. Кроме того, представленное Комитом Марцеллином число выражало не кентинарии, как это обычно делалось в источниках той эпохи, а золотую монету – солиды, большинство которых, очевидно, являлось не типовым пересчетом стоимостей услуг и вещей в золото, а реальными деньгами,

¹⁴ Marcellinus comes Chronicle. P. 101–102 (521 г.): «Консул Юстиниан сделал это консульство знаменитейшим из всех восточных, весьма щедро обеспечив его щедротами. Ибо 288 тысяч солидов потрачены на народ, и на представления, или на приспособления для представлений, 20 львов, 30 леопардов, не считая других зверей, которых он одновременно выпустил в амфитеатре. Кроме того, в цирке он представил многочисленных и украшенных металлическими украшениями лошадей с приданными им возничими...»

¹⁵ См.: Козлов А. С. Социальные симпатии и антипатии Комита Марцеллина // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 51–61; *Его же*. Балканы в V – середине VI в. в изображении Комита Марцеллина // Россия, Крым, Балканы: диалог культур: науч. докл. междунар. конф. (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 61.

¹⁶ Procopius Caesariensis opera omnia / rec. J. Haury. Leipzig, 1963. Vol. 3 : Historia quae dicitur arcana. XXVI.13.

предназначавшимися для разбрасывания в толпу¹⁷. Таким образом, Юстиниан действительно истратил сорок кентинариев на подготовку и проведение своих первых консульских торжеств.

Превышение Юстинианом установившейся нормы издержек каждого из вновь назначавшихся константинопольских консулов вполне понятно и объясняется стремлением заявить о себе громко и в благоприятной для слуха столичного люда тональности; в этом, как и в некоторых других своих деяниях 20-х гг., Юстиниан обнаруживает известную заинтересованность и целеустремленность. Важнее другое: его консульские расходы оказались всего вдвое, т. е. не намного, крупнее расходов других ординарных консулов первой трети VI в. (включая, вероятно, и консула 520 г. Виталиана, оставшегося серьезным политическим соперником Юстиниана и после своей смерти). Если бы Юстиниан имел, как утверждал Прокопий Кесарийский, полную возможность бесконтрольно распоряжаться государственными средствами при дяде-императоре, то стал бы он столь скрупулезно отсчитывать золотые монеты, имея перед своим мысленным взором легендарные образы императоров прошлого, которые задавали грандиозные консульские праздники в свою честь¹⁸? Очевидно, нет. Юстиниан не пытался превзойти их великолепие и роскошь или хотя бы приблизиться к ним. Он удовлетворился тем, что однажды удивил константинопольскую толпу и попал в «Хронику» Комита Марцеллина как организатор самого крупного за последние десятилетия праздника. Возможно также, что Юстиниан попытался свести на нет все события, которые могли бы в будущем составить конкуренцию этому и другим празднествам, организованным им или проводимым под его руководством¹⁹. Так это было или нет, но кон-

¹⁷ Смелова Н. С. «Aureus imber»: к вопросу о консульских денежных раздачах в VI веке // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб., 2000. С. 5–7.

¹⁸ М. Мейер считает, что в число кумиров Юстиниана входили (в порядке убывания значимости) Траян, Август, Тит и Марк Аврелий; на их деяния он ориентировался во всех своих начинаниях. См.: *Meier M. Das andere Zeitalter Justinians*. S. 145. Согласно же Гаю Светонию Транквиллу, Август, например, становился консулом 13 раз (Suet., *Divus Aug.* 26.2) и всегда был щедр на раздачи (Ibid., 41), а «в отношении зрелищ превзошел всех предшественников» (Ibid., 43.1); фигурирующие в рассказе Светония числа, обозначающие расходы Августа, многократно превышают аналогичные юстиниановские.

¹⁹ Речь идет не только о консульских торжествах, расходы на которые были ограничены обычаем, а позднее и законодательно (*Justinian Novellae / rec. R. Schoell*,

сульские траты 521 г. нельзя назвать огромными прежде всего по причине нежелания самого Юстиниана производить чрезвычайные расходы из государственной или собственной казны; израсходованная им сумма была минимальной из возможных в тогдашних внутривосточных условиях. Юстиниан торопился приобрести все звучные титулы²⁰, на которые только могла рассчитывать аристократия, а консульское звание было не только громким и авторитетным, но и открывало путь к другим, например, к политически значимому патрициату²¹. Как и при строительстве храмов во имя православной веры, он легко мог пойти на расходование личных средств, особенно если это обстоятельство придавало его имиджу дополнительно свойство щедрого к народу правителя²². Но, чтобы запомниться толпе своей щедростью, требовалось истратить на нее своих средств больше, чем это обычно делалось консулами²³. Да и император Юстин, вместе со своей супругой (которую Юстиниан вынужден был слушаться) недоброжелательно относившийся к роскоши и неблагочестивым увеселениям²⁴, был способен запретить финансирование из государственной сокровищницы нескромных по размерам кон-

G. Kroll // *Corpus iuris civilis*. Berolini, 1912. Т. 3. Р. 105), но и о празднествах вроде Олимпийских игр в Антиохии, которые были запрещены в том же 521 г. (Ioannis Malalae chronographia. Р. 417).

²⁰ Evans J. A. S. *The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power*. London ; New York, 1996. Р. 97.

²¹ CJ. 12.3.3–4. О нюансах общественного восприятия звания патрикия в юстиниановское время см.: Чекалова А. А. Патрициат в ранней Византии // ВВ. 1997. Т. 57. С. 44.

²² Marcellinus comes *Chronicle*. Р. 101: «Famosissimum hunc consulatum Iustinianus consul omnium orientalium consulum profecto munificentior his liberalitatibus edidit» (521 г.).

²³ Прокопий писал, что консульские расходы состояли из двух неодинаковых частей, меньшую из которых составляли его собственные средства, а большую – императорские (государственные). См.: Procopius *Caesariensis opera omnia / rec. J. Haury*. Leipzig, 1963. Vol. 3 : *Historia quae dicitur arcana*. XXVI.13. Впрочем, личные деньги нового консула по закону шли на улучшение системы водоснабжения Константинополя, а раздача золота народу была запрещена (CJ. 12.3.2). На деле же, конечно, вступавшие в должность персоны вполне могли использовать возможность и подкупать столичный плебс денежными раздачами под прикрытием традиции консульских торжеств.

²⁴ Кулаковский Ю. А. *История Византии / науч. ред. А. Г. Грушевой*. СПб., 1996. Т. 2. С. 31.

сульских торжеств племянника. Поэтому весьма вероятно, что дополнительные государственные расходы на это мероприятие оказались минимальными, не превысив обычной суммы, выдаваемой императорами для организации такого рода события²⁵. Юстиниан добился поставленных тогда перед собою целей – сделаться консулом и привлечь к себе общественное внимание ценой минимальных из возможных затрат.

Празднование второго консульства в 528 г., по-видимому, не выделялось из ряда прочих константинопольских консульств того времени. Комит Марцеллин не сообщил о торжествах и расходах по их организации. Упомянутый им среди событий того года частичный ремонт цирка, проведенный на императорские деньги, следует отнести к подготовке к торжественным мероприятиям, связанным не со вступлением в должность, а с празднованием дня Города или, возможно, известных благодаря произведениям Прокопия Кесарийского побед на восточном фронте²⁶. Подобная деятельность не являлась чем-то необычным для Юстиниана в первые годы его нахождения у власти, отмеченные оживленным, хотя и несложным и недорогостоящим строительством в Константинополе²⁷. Консулат никак с нею не связывался. Выходит, что второе консульство Юстиниана оказалось рядовым по форме и содержанию, а значит, и по своему значению для императора.

Консульства 533 и 534 гг. также не отмечены какими-либо специальными мероприятиями, которые могли бы символизировать особенное отношение Юстиниана (восторженное или негативное) к консульскому званию.

²⁵ Что отчасти объясняет замалчивание консульских торжеств 521 г. большинством источников: они не сочли важным событие, происходящее почти ежегодно. Прокопий Кесарийский, который не преминул бы обратить внимание на еще один пример юстиниановской щедрости за счет государства, в данном случае предпочел промолчать, чтобы не оказаться в положении восхваляющего его.

²⁶ Marcellinus comes Chronicle. P. 102 (528 г.): «В год от основания царского города сто девяносто восьмой принцепс Юстиниан Победитель с обычным великодушием возобновил в цирке царский вестибюль и древний трон в нем, сооруженный для просмотра и оценки состязаний, [сделал] более выдающимся и более славным, чем был, портик по обеим сторонам от сенаторов, по обыкновению смотрящих [состязания]...»

²⁷ См. об этом: Серов В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого. Барнаул, 2011. С. 230–232.

Таким образом, Юстиниан не тратил огромные средства на организацию консульских торжеств и прочие формы увековечивания и возвеличивания этого учреждения и потому не отказывался от него в угоду идее «экономить» по данной статье имперских расходов. Потратившись один раз на зрелища в связи со своим первым консульством, в будущем он формально придерживался традиций и, вероятно, принятого в политическом обиходе или законодательно установленного стандарта. Тем не менее факт уменьшения внимания со стороны императора Юстиниана к консулату как определенному идеологическому средству отрицать невозможно. Но тогда чем это было вызвано? И почему Юстиниан выбрал для собственного назначения на консульский пост известные годы?

Дата первого консульства более или менее объяснима политическими обстоятельствами конца 10-х – начала 20-х гг. VI в.: в 519 г. консулом становится, согласно существовавшему обычаю, новый император Юстин; в 520 г. консулата добивается политический соперник Юстина и Юстиниана Виталиан. Объективно Юстиниан мог быть назначен консулом не ранее 521 г., и именно в этом году состоялось его назначение.

Время второго консульства – на следующий год после интронизации – объясняется вышеназванной традицией.

Поводы для самоназначения консулом на 533 и 534 гг. понятны гораздо менее. Здесь могут быть приведены лишь предположения. Юстиниан проигнорировал такое традиционное в прошлом основание для императорского консульства, как пятилетие правления в ранге Августа, наступившее в 532 г. Едва ли воспрепятствовать соблюдению данной традиции могло восстание Ника, начавшееся 13 января, т. е. спустя почти неделю после того, как должны были завершиться празднества по случаю вступления нового консула в должность, оставшуюся в тот год вакантной. Столь же невероятно, что Юстиниан из-за восстания перенес консульство на следующий год; судя по всему, он вообще не планировал быть консулом в 532 г. Решение же о консульстве на 533 г. могло созреть под влиянием каких угодно обстоятельств предыдущего года – к примеру, завершения «вечным миром» войны с Ираном. Точно так же поводом побыть консулом в 534 г. могли явиться славные победы византийского оружия в Африке в предшествующем году.

Но все эти предположения не очень основательны. Во всяком случае, внешнеполитические успехи юстиниановского правительства не использовались императором как непременно условие для собственного консульства всегда или хотя бы нередко. Гораздо более серьезным поводом для консульств 533 и 534 гг. кажется завершение работы коди-

фикационной комиссии: возможно, Юстиниан желал ввести в действие новый свод законов, выступая в роли консула. Для этого он назначил себя им на 533 г., но кодификация растянулась на более длительный срок, и императору пришлось надевать консульскую тогу и в 534 г.²⁸ Если данное достижение в гражданской сфере (действительно очень знаменательное) подвигло Юстиниана на принятие консульского звания²⁹, то других аналогичных событий в будущем ожидать уж точно не приходилось. После 534 г. василевс мог мысленно распрощаться с консулатом, ставшим ему окончательно неинтересным.

Сделанные выше наблюдения, высказанные предположения и замечания не решают главной задачи, волнующей византийцев, – причин ликвидации консулата. Но они делают отчетливой такую важную вещь, на которую прежде мало обращали внимания специалисты, как личное отношение Юстиниана ко всему, что было связано с консулатом, в первую очередь – его собственное стремление становиться консулом, которое, как выяснилось, не было сильным. Более того, можно говорить о том, что Юстиниан I относился к консульскому почету равнодушно и не усматривал со стороны данного учреждения каких бы то ни было угроз – ни политических, ни финансовых – своему царствованию. Подобные опасения в совокупности могли влиять на решения императора о назначении консулами других персон, но не касаться консулата в целом³⁰.

Итак, доминантой в отношении Юстиниана I к институту консулата было равнодушие, вызванное пониманием его малой полезности в политике и идеологии. Это отношение, по-видимому, подкреплялось и равнодушием константинопольской общественности, привыкшей к тому, что празднества в честь нового консула стали редкими и бедными, уступив свое место в общественной жизни другим, более ярким и впечатляющим событиям.

²⁸ Нечто похожее в системе замещения консульского поста наблюдалось и при вводе в действие Кодекса Феодосия в 438 г. Император Феодосий II становился консулом в 438 и в 439 гг. См.: *Consuls*. P. 410–413.

²⁹ Предположение имеет несколько явных натяжек, к примеру, опубликование первой редакции свода законов в 529 г. консульством Юстиниана никак не было ознаменовано. Необходимо специальное исследование на эту тему, которое пока не входит в наши планы.

³⁰ *Consuls*. P. 10.

Серов В. В. Консульства Юстиниана

V. V. SEROV
BARNAUL

THE CONSULATES OF JUSTINIAN

The article develops the theme of the Late-Antique consulship in the epoch of Justinian I. Following questions are considered in it: specific features of the sources' reports about Justinian's consulates, choice of the Emperor at time of his consulates, and his attitude to the consulship. In result of the research the conclusion was made about very weak interest by Justinian in extensive use of consulship in his policies.